

Новость радовала мало.

Прежде Ань Цзинъюань считался Омегой низшего класса, из-за чего его брачные перспективы выглядели весьма скромно. Но если его физиология перестроится до обычного класса и у него появятся полноценные феромоны, ситуация мгновенно изменится. И пусть он по-прежнему останется бесплодным, круг возможных женихов расширится в разы.

Для большинства Альф аромат феромонов — куда более мощный афродизиак, чем безупречная внешность.

Обычные люди чаще воспринимают мир глазами, но Альфы и Омеги куда сильнее подвластны обонянию.

Стоит Цзинъюаню выйти на полноценный «рынок невест», и ни о каком ожидании двадцатилетия — законного брачного возраста в Империи — не сможет быть и речи. Свадьбу сговорят за пару недель.

— Точных данных у нас пока нет, — произнёс Ань Цзинси, — но за пару дней я постараюсь достать для тебя правильные подаватели.

Цзинъюаню самому покупать их было нельзя — ему бы их просто не продали.

Разным типам Омег требуются разные дозировки препаратов: физиология низшего класса обходится самыми мягкими средствами. В базе данных Империи Цзинъюань всё ещё числился Омегой низшего класса, а значит, и доступ к медикаментам имел строго ограниченный.

Близнецы с тревожной отчётливостью поняли: те препараты, что предназначались для его прежнего состояния, сейчас окажутся бесполезны.

— Брат, тебе придётся научиться удерживать феромоны в себе, — добавил Цзинси.

— Всё... настолько заметно?

— Пока нет. Если не подходить вплотную, уловить запах трудно.

Оба мысленно сходились в одном: это хотя бы какая-то удача в их положении.

Феромоны отражают ранг. Покуда их шлейф остаётся слабым, катастрофы можно не опасаться.

— Брат, ты обедал? — поинтересовался Цзинси.

— Не хочу.

Есть всё равно требовалось. Учитывая шаткое состояние брата, Цзинси распорядился подать обед прямо в спальню.

Пока они ждали, он сбросил строгий костюм, приготовленный для свидания. Не смущаясь присутствия брата, Цзинси спокойно разделся, обнажив подтянутое, поджарое тело с безупречно вылепленной мускулатурой, и выудил из гардероба привычные вещи.

Вскоре служанка принесла поднос с едой. В поместье генерала весь обслуживающий персонал состоял исключительно из Бета. Бета не поддавались влиянию феромонов, и богатые семьи Альф и Омег всегда отдавали им предпочтение.

Служанка расставила блюда, отвесила почтительный поклон молодым господам и бесшумно удалилась.

Братья наспех перекусили. Когда поднос унесли, тяжёлое молчание снова повисло в комнате. Мысль о скорых изменениях в организме Цзинъюаня давила на обоих.

Цзинси активировал персональный оптический компьютер, разыскивая нужные сведения в сети, а Цзинъюань погрузился в изучение методик контроля над феромоновым фоном.

Как оказалось, наука была нехитрой: техники удержания феромонов у Альф и Омег во многом совпадали.

Цзинъюань переспрашивал всё, что вызывало сомнения, и под руководством брата оттачивал контроль. К пяти часам вечера — то ли утренний всплеск оказался случайностью, то ли Цзинъюань делал успехи — Цзинси, даже прижавшись лбом к его плечу, больше не ловил тонкого, пьянящего аромата камелии.

А затем стрелки часов подползли к семи вечера.

В поместье генерала Аня царил незыблемый порядок: утренний и вечерний приёмы пищи, если глава семьи находился дома, требовали присутствия всех жён, сыновей и дочерей.

Цзинси вечно пренебрегал формальностями. Ворот его рубашки почти всегда оставался расстёгнутым на две-три пуговицы, открывая грудь, за что от отца ему регулярно доставалось. Генерал Ань, привыкший к военной дисциплине и застёгнутый на все пуговицы в буквальном и переносном смысле, органически не переваривал подобной развязности.

Подойдя к двери, Цзинси уже взялся за ручку, но Цзинъюань перехватил его за запястье.

Цзинси повернулся. Покорно встал перед братом, пока тот сосредоточенно застёгивал его рубашку до самого верха.

— Да вечер же уже, — пробормотал Цзинси, впрочем, абсолютно не сопротивляясь.

Поправив одежду, братья вместе спустились вниз.

В коридорах им то и дело попадались слуги. Завидев молодых господ, те замирали, склоняя головы в приветствии, и возобновляли движение лишь тогда, когда братья проходили мимо.

К моменту их прихода в столовой собрались уже все: генерал, три его жены, а также прочие дети.

Во главе длинного обеденного стола восседал генерал Ань. Несмотря на приближающееся пятидесятилетие, он сохранял выправку и породистую привлекательность: смоляные короткие волосы, тёмные, пронзительно-холодные глаза, жёсткая осанка.

По обе стороны от него расположились первая и вторая супруги. Третья жена сидела рядом со второй, а ниже по праву рождения устроились их дети.

Цзинъюань занял место подле матери, Юань Инсюэ. Цзинси устроился рядом с братом.

— Надо же, какие у нас старшие братья важные птицы стали, — с ядовитой ухмылкой заговорил Ань Синьи. — Сам отец вынужден их ждать.

Вторая госпожа, Шу Сюэцин, строгим взглядом осадил сына:

— Синьи, не мели чуши! Цзинъюань и Цзинси задерживаются не умышленно.

— Пусть и не умышленно, — вступила в разговор Ань Синьхань, дочь третьей жены, — но заставлять отца ждать — это неуважение.

— Прощу прощения, — ровным тоном отозвался Цзинъюань. — Неважное самочувствие подвело меня, отчего мы и заставили отца ждать.

Из четырёх детей он единственный являлся Омегой, так что слабое здоровье служило универсальным оправданием на все случаи жизни. И едва этот козырь был выложен на стол, возражать никто не решился.

Управляющий распорядился подавать блюда.

Ужинать за одним столом с отцом и кучкой недоброжелателей было сомнительным удовольствием, однако за долгие годы братья приучили себя терпимо относиться к этой пытке. Единственным плюсом душной атмосферы являлось непреложное правило дома: молчание за едой.

Разумеется, когда Цзинъюань обедал наедине с матерью или братом, эти рамки рушились.

Генерал Ань отложил приборы первым. Впрочем, даже закончив трапезу, никто не имел права подняться из-за стола раньше главы семейства.

Тёмные, как бездонная ночь, глаза генерала обвели присутствующих и остановились на старшем сыне.

Цзинъюань почувствовал на себе этот тяжёлый взгляд, но глаз не поднял.

— Цзинъюань, — прорезал тишину голос отца.

Лишь тогда юноша поднял взор и с безупречным почтением отозвался:

— Да, отец.

Под столом Цзинси незаметно сжал ладонь брата, передавая беззвучную поддержку.

Это повелось издавна. Нелюбимые дети, вечно принимавшие на себя гнев и сухость генерала, в подобные секунды всегда сжимали руки под столом — как напоминание друг другу: «Ты не один». Прошли годы, но привычка осталась незыблемой.

— Пройди в мой кабинет, — распорядился генерал Ань.

— Слушаюсь.

Генерал поднялся и вышагнул из столовой; Цзинъюань покорно проследовал за ним.

Прочие домочадцы проводили их пристальными взглядами.

— Интересно, о чём отец хочет поговорить с братом? — с наигранным любопытством проронила Синьхань, младшая из детей, и тут же пожала плечами: — Хотя брат у нас Омега, стало быть, дело наверняка касается брака.

При этих словах сразу несколько взоров скрестились на Юань Инсюэ.

Никто не произнёс этого вслух, но подтекст угадывался без труда: Цзинъюань до сих пор оставался без помолвки лишь потому, что являлся Омегой низшего класса — точно так же, как и его мать.

Инсюэ нахмурилась, бледнея на глазах.

Цзинси подхватил её под локоть:

— Матушка, позвольте я провожу вас наверх.

— Хорошо, — тихо ответила она.

Все три супруги генерала были Омегами. Ходила молва, будто бы красота Омеги напрямую зависит от высшего класса физиологии, но правило это срабатывало не всегда. Вторая и третья жёны обладали высоким классом, а Юань Инсюэ принадлежала к низшему, но именно она безусловно являлась самой прекрасной из троих. Чьи-то вкусы могли разниться, но абсолютная красота не оставляла места разногласиям.

Близнецы же унаследовали от родителей лишь самые совершенные черты.

Цзинси довёл мать до лестничной площадки второго этажа, где и остановился. Подниматься выше ему запрещалось — даже статус Инсюэ не давал ей права провести сына на третий этаж.

Ласково коснувшись головы Цзинси, Инсюэ тихо спросила:

— Беспокоишься за А-Юаня?

Она являла собой образчик классической Омеги: в юности беспрекословно подчинялась родителям, выйдя замуж — покорно следовала за супругом. И вместе с тем беззаветно любила своих сыновей. Если бы настал день, когда ей потребовалось бы воспротивиться воле генерала и вымолвить твёрдое «нет», то сделала бы она это исключительно ради детей.

Цзинси кивнул:

— Да.

— Пойду поднимусь, узнаю, в чём дело, — Инсюэ нахмурилась и сделала шаг к ступенькам.

Цзинси осторожно удерживал её за запястье, качая головой:

— Не стоит, матушка. Что бы ни произошло, брат со всем справится. К тому же... вряд ли

случится что-то серьёзное.

Инсюэ помедлила. И верно, серьёзных поводов для тревоги не предвиделось: Цзинъюань — Омега, и единственное, что могло его касаться, — вопросы брачного союза.

— Возвращайтесь к себе, — мягко попросил Цзинси, понимая, что лишнее внимание мачех им ни к чему. — Как только брат спустится, я попрошу его написать вам.

— Хорошо... — Инсюэ развернулась и пошла вверх.

Цзинси провожал её взглядом, чувствуя смутное беспокойство. Всякий раз, когда мать поднималась по ступеням, куда ему ход был закрыт, ему казалось, будто она шагает в бездонную пропасть. Мрачную, незримую бездну, где тонули любые чувства и надежды.

Шаги матери утихли. В тот же миг на лестнице показались вторая и третья жёны в сопровождении младших детей.

Ань Синьи смерил Цзинси насмешливым взглядом, презрительно фыркнул и демонстративно проследовал на третий этаж. Из четырёх детей лишь он обладал привилегией беспрепятственного доступа наверх — и никогда не упускал случая выставить это напоказ перед братом.

Спустя примерно пять минут на ступенях показался Цзинъюань.

Цзинси встретил его тревожным взглядом. Цзинъюань едва заметно кивнул, увлекая брата за собой.

Левое крыло второго этажа занимали комнаты троих молодых Альф. Правое принадлежало Цзинъюаню. Если бы у супруг генерала родились другие Омеги, их поселили бы по соседству, однако вероятность того, что Альфа высшего класса произведёт на свет Омегу, оставалась ничтожно малой.

В отличие от пёстрого, хаотично убранного покоя Цзинси, спальня Цзинъюаня дышала умиротворением. В оформлении преобладал белый цвет, разбавленный живыми цветами. Букеты поступали сюда ежедневно вместе с доставкой для супруг генерала, и слуги сами расставляли их по вазам. Но именно эти яркие бутоны оживляли строгий светлый интерьер.

Заперев дверь на замок, Цзинси увлёк брата к дивану. Цзинъюань опустился на мягкие подушки, а Цзинси устроился прямо перед ним на пушистом ковре.

— Что он сказал? — спросил Цзинси. Он не называл отца по имени или титулу, но брату уточнения не требовались.

— Завёл речь о господине Сайласе Натте, — отозвался Цзинъюань, имея в виду своего несостоявшегося визави.

Цзинси скривился:

— Терпеть его не могу.

Цзинъюань сочувственно кивнул.

— И что дальше? — выдохнул Цзинси.

— Господин Натт выразил желание встретиться повторно. Отец велел мне не упускать этот «шанс».

— Шанс?! — Цзинси жёлчно хмыкнул. — Да кем эта тварь о себе возомнила!

Цзинъюань промолчал.

— А ты что ответил?

Цзинъюань отвёл взгляд, замявшись.

В кабинете он честно признался, что господин Натт ему неприятен и видеть его снова он не желает. Но генерал и слушать не стал: холодным тоном отрезал, что дети из семьи Ань лишены права выбора в подобных вопросах, заявив, что повторное свидание уже назначено.

Через пять дней.

Отец без экивоков изложил выгоды: союз с семьей Натт обеспечил бы его корпусу колоссальную материальную поддержку. В Империи числились один маршал и четверо генералов. На передовой они плечом к плечу сражались с врагом, но вне поля боя оставались жестокими соперниками в борьбе за ресурсы и влияние.

Бесстрастно, едва слышимым голосом Цзинъюань произнёс:

— Через пять дней назначена повторная встреча.

— Я пойду вместо тебя, — отрезал Цзинси.

— Хорошо.

Цзинси вдруг спохватился:

— Ах да! У меня же самого через пять дней свидание с господином Цюном Теренсом.

Цзинъюань удивлённо вскинул бровь.

— Ну, ты понимаешь... Очередной смотр невест, — скривился Цзинси.

— Понятно, — Цзинъюань на мгновение задумался. — Второй сын генерального прокурора, Омега высокого класса, господин Цюн Теренс, верное дело?

Цзинси кивнул.

Таким образом, решение созрело само собой: через пять дней Цзинси представится братом и отправится на встречу с Сайласом Наттом, сыном финансового чиновника, а Цзинъюань под видом Цзинси поедет на свидание с Цюном Теренсом.

<http://bllate.org/book/20423/2106265>